

политика

А.В.Глухова

ДИАГНОСТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО НЕДУГА

Галкин А.А., Богдашкин А.А., Окунева Л.С. (ред.) Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Ч. 1 // *Берегиня 777 Сова. Научный журнал*. 2014. № 4 (23)

Галкин А.А., Богдашкин А.А., Окунева Л.С. (ред.) Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Ч. 2 // *Берегиня 777 Сова. Научный журнал*. 2015. № 3 (26)

Люди, я любил вас! Будьте бдительны!

Юлиус Фучик

Ключевые слова: фашизм, правый радикализм, правый экстремизм, популизм

В 2014—2015 гг. мир отметил две трагические даты: 100-летие начала Первой и 70-летие окончания Второй мировой войны. Два крупнейших политических катаклизма, стоивших человечеству миллионов жизней, оправдывают обозначение XX в. как «преступного столетия». Но причины, приведшие к таким результатам, вряд ли можно считать навсегда исчезнувшими.

Как писал выдающийся немецкий ученый Р.Дарендорф, двумя величайшими соблазнами современности являются национализм и фундаментализм: «в конце XX в. они встают перед нами во всей своей красе»¹. Крайний национализм и воинствующий фундаментализм не терпят ни многообразия, ни автономии гражданского общества. Все права для них заслоняет религиозная или националистическая химера. А главное, они нисколько не заботятся об экономических последствиях своих действий, поэтому с ними нельзя бороться методами открытого общества².

Посвятив большую часть своих последних работ переходам к демократии, Дарендорф был особенно внимателен к процессам, развернувшимся на территории бывших социалистических стран. Главную опасность для этих стран он видел в фашизме, который трактовал как сложный комплекс идеологических, психологических и политических компонентов. «Фашизм в этом смысле не обязательно подобен немецкому национал-социализму; он не обязательно проводит политику систематического геноцида, хотя вероятность последнего весьма высока, — подчеркивал он. — В любом случае это — тирания правого толка, поскольку она опирается на военных, другие силы „закона и порядка“»,

¹ Дарендорф 2002: 68.

² Там же: 69.

взывает к реакционным чувствам и предается мечтаниям — но не о лучшем будущем, а о прекрасном прошлом»³.

³ Дарендорф 1994: 99.

Источник фашизма, по мнению Дарендорфа, кроется во внезапном воздействии современного индустриального мира на неподготовленное общество, в результате которого многие влиятельные группы утрачивают прежний статус и место в социуме и теряют ориентацию. Они застревают на полпути между старым и новым и ненавидят капитализм не меньше, чем социализм. В этой ситуации политическое движение, обещающее разрушить настоящее и вернуть прошлое, выглядит весьма привлекательным, и лишь немногие понимают, что пути назад нет. Кроме того, фашизм деструктивен, и вскоре место идеологии занимает насилие.

⁴ Первая из цитированных выше работ была впервые опубликована (на немецком) в 1992 г., вторая (на английском) — в 1990-м.

Размышления Дарендорфа 25-летней давности⁴ полностью созвучны выводам группы ученых из разных стран, посвятивших себя изучению фашизма, плоды научных изысканий которых были собраны в два тома (выпуска) научного журнала «Берегиня 777 Сова», увидевших свет в 2014—2015 гг. под общим заглавием «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность».

Оба тома поделены на рубрики (разделы), выстроенные по региональному принципу — за исключением первой, теоретико-методологической, представляющей особый интерес.

В открывающей рубрику статье патриарх отечественной исторической германистики А.А.Галкин предпринимает попытку уточнить природу фашизма и те концептуальные рамки, в которых он должен исследоваться. Обращая внимание на психологическое состояние общества в условиях острых кризисных процессов, разрушающих устоявшиеся экономические, социальные, политические и духовные структуры, он указывает на неадекватность и иррациональность реакции массовых групп населения на такие процессы, что в решающей степени связано с тем, что она формируется в своеобразном растворе правоконсервативных ценностей. Соответственно, при изучении фашизма и родственных ему феноменов требуется двуединый подход. С одной стороны, необходим тщательный анализ динамики экономической и социально-политической ситуации, с другой — уяснение трансформаций, происходящих с комплексом ценностей, совокупность которых принято определять как консерватизм. «Фашизм с самого начала сложился как специфическая форма консервативного революционаризма, пытающегося, не считаясь с издержками, насильственно снять реальные противоречия, существующие в обществе, разрушив все то, что воспринимается им как препятствие сохранению и возрождению фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия», — подчеркивает Галкин (ч. 1, с. 16).

Глубоко эвристической является статья профессора Мичиганского университета (США) Дж.Эли, посвященная анализу дискурса фашизма в исторических исследованиях. За последние полвека, отмечает исследователь, процесс осмысления фашизма прошел три этапа. От полити-

логических теорий тоталитаризма и «массового общества» 1960-х годов он в 1970-х годах двинулся в сторону исторической социологии, теории государства и эмпирической социальной истории, а с 1990-х годов тон стали задавать культурологи. В настоящее время фашизм рассматривается как следствие не столько общественного и политического, сколько культурного кризиса современности. Суммируя итоги этого интеллектуального поиска, Эли пытается соединить элементы каждого из трех подходов, делая особый упор на характере кризиса, вызывающего фашизм. Подобный взгляд на проблему позволяет сформировать такую концепцию фашизма, которую можно применять к различным условиям места и времени, включая современные.

По заключению Эли, фашизм — это прежде всего тип политики или комплекс отношений к политике. Происходящие в последние годы процессы упадка профсоюзов и денационализации труда в результате глобальной капиталистической перестройки серьезно подточили модель социального прогресса, которая еще недавно казалась встроенной в послевоенную политическую культуру. Опасны и набирающие силу тенденции в политической сфере: непрерывное истончение демократических процедур, урезание гражданских прав и расширение функций «ущербного государства», кризис легитимности и т.д. «Психология осажденной крепости, четко выраженная политическая беспокоенность, импульсивность как возникающая социальная парадигма — именно эти факторы все больше способствуют авторитарным и насильственным тенденциям в современной „правительственности“, — полагает исследователь. — Такая новая диалектика международного конфликта и общественного кризиса может способствовать объединению политических течений, имеющих черты фашизма» (ч. 1, с. 36).

В контексте концептуальных представлений о фашизме и правом радикализме особого внимания заслуживает обзор отечественных (советских и постсоветских) работ по этой проблематике, подготовленный А.А.Богдашкиным, в статье которого представлена широкая панорама попыток осмысления в нашей стране феномена фашизма. Высоко оценивая труды выдающихся российских специалистов по фашизму — Б.Р.Лопухова, А.А.Галкина, Л.И.Гинцберга, С.П.Пожарской, П.Ю.Рахшмира, — автор вместе с тем с сожалением констатирует, что «в постсоветской историографии не было выдвинуто сколько-нибудь новых исследовательских парадигм, позволяющих осмыслить это явление. В результате отечественная наука оказалась практически безоружной перед фашизмом именно в тот момент, когда он начал пускать первые побеги на целине российской действительности» (ч. 1, с. 58). Нельзя не признать справедливости и его упрека в том, что в отечественной науке слабо развит культурологический подход, важный для понимания привлекательности идей фашизма для различных слоев населения как в прошлом, так и в настоящем.

Дополнительные краски в портрет фашизма вносит статья А.К.Пинту (Португалия), где рассматривается роль корпоративизма,

проникшего в правые политические структуры во время первой волны демократизации и ставшего средством гибридизации институтов в диктатурах фашистской эпохи. «Отличительной чертой межвоенных лет были мощные процессы институциональных преобразований диктатур», — отмечает исследователь (ч. 1, с. 72), подчеркивая, что корпоративизм оказался в авангарде этих процессов как новая форма организованного представительства интересов и авторитарная альтернатива парламентской демократии.

Заключительные статьи рубрики посвящены новому явлению на политической сцене послевоенной Европы — праворадикальным популистским партиям. По мнению американского политолога К.Мудде, хотя прочность либеральной демократии в Европе не вызывает сомнений, у нее есть политические соперники. Наиболее серьезный вызов исходит от радикальных популистов правого толка, идеология которых включает в себя три обязательных компонента: нативизм, авторитаризм и популизм (ч. 1, с. 92—93). Успеху правопопулистских партий способствует порожденная глобализацией массовая иммиграция, специфика пропорциональной избирательной системы, а также наличие харизматических лидеров. Однако их «государственная дееспособность» не очень велика — и в плане предлагаемой политической повестки, и по причине слабости коалиционных усилий.

Размышляя о популизме и правом экстремизме в современных партийных системах, К. фон Байме (ФРГ) связывает специфику последних с переходом к постдемократии (К.Крауч), которая ассоциируется с эрозией партий, медиатизацией политики и выдвижением на первый план экспертов (за счет партийных элит). В противовес распространенным трактовкам популизма как относительно гомогенного феномена, он выделяет левые и правые его разновидности и на основе сравнительного анализа популизма и правого экстремизма показывает, что только меньшую часть популистов правомерно квалифицировать как правых экстремистов. Отмечая нестабильность популистских движений, фон Байме вместе с тем склонен согласиться с изречением: «Популизм никогда не длится долго — но он каким-то образом постоянно рядом». Согласно его оценке, опасения по поводу угрозы гражданскому обществу со стороны популизма вполне оправданны, поскольку традиционные идентичности начинают защищаться на популистский манер, и эта угроза сегодня выше, чем та, что несут с собой эсхатологически-революционные идеологии классического модерна (ч. 1, с. 108).

Второй раздел первой части сборника, посвященный анализу региональных разновидностей фашизма, открывает статья З.П.Яхимович об истоках, происхождении и пути к власти итальянского фашизма. Причины того, что именно в Италии впервые в истории Европы был совершен переход от конституционно-парламентской монархии к тоталитарному режиму фашистского толка, автор видит в совмещении процессов становления итальянской государственности, парламентского и конституционного строя, а также в формировании в традициона-

листском в своей основе обществе новых модернизированных укладов и структур, что обусловило «весьма конфликтный конвульсивный... тип исторического развития страны в новое и новейшее время» (ч. 1, с. 111).

В статье Дж.Альбанезе (Италия) подробно рассматривается такой важный момент в политическом восхождении итальянского фашизма, как поход Б.Муссолини на Рим, весьма далекий от классических государственных переворотов или революций. Уникальность этого события состояла в том, что фашисты выступили против узаконивших их государственных структур. Отмечая, что «политическая оккупация страны произошла при полной бездеятельности оппозиционных сил», исследовательница обращает внимание на то, что данные события вызвали минимальную реакцию и со стороны ответственных за правопорядок государственных учреждений (ч. 1, с. 123).

Немаловажную роль в 20-летнем господстве фашизма в Италии сыграли система образования и пропаганда. Как показывает С.Дуранти (Италия), одним из факторов успеха фашистской политической пропаганды было привлечение к ней студентов университетов. По его заключению, структура, созданная для организации деятельности фашистских активистов в университетах, представляла собой важный инструмент управления политическими воззрениями как преподавателей, так и молодых рабочих и крестьян (ч. 1, 140—149).

Лояльность к фашистскому режиму проявила и католическая церковь. Анализируя позицию Святого Престола, Л.Чечи (Италия) демонстрирует, как Ватикан, первоначально осуждавший действия фашистских отрядов, затем приложил немало сил для обоснования легитимности правительства Муссолини, подчинив свою риторику задаче сохранения пространства и прерогатив католической церкви (ч. 1, 127—139). В то же время, как отмечается в статье Н.Н.Поташиной, роль Папы Пия XII в 1930-е годы нельзя оценивать однозначно негативно, поскольку он немало сделал для спасения евреев (ч. 1, с. 255—267).

Еще одну малоизвестную страницу в истории итальянского фашизма приоткрывает статья Ф.Х.Адлера (США), посвященная антисемитскому законодательству 1938 г. Изменение отношения к евреям, знаменовавшее собой радикальный разрыв с предшествовавшей практикой итальянского фашизма, Адлер связывает с обозначившимся в 1937 г. кризисом легитимации, побудившим Муссолини начать идеологическую кампанию против евреев как «воплощения буржуазного духа». Хуже всего в этой ситуации, считает он, повели себя интеллектуалы, трусость и оппортунизм которых бросаются в глаза даже на фоне общего молчаливого безразличия к происходившему: «Можно даже сказать, что общее молчание о случившемся было непомерной ценой, заплаченной итальянскими евреями за „искупление“ итальянских интеллектуалов, пытавшихся скрыть и забыть свое прошлое» (ч. 1, с. 160).

Культура насилия, властно заявлявшая о себе в межвоенный период, нашла отголосок в современной Италии, когда популистское Движение пяти звезд заняло третье место на парламентских выборах 2013 г.

По мнению В.К.Коломийца, это дает определенные основания для мрачных прогнозов относительно как ближайшего, так и отдаленного будущего Италии. Достаточно сказать, что даже в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны образ исторического фашизма пользовался спросом у части итальянского общества. «Он демонстрировал свою востребованность в классические времена холодной войны, в годы непримиримого и бескомпромиссного противостояния правых и левых, когда левый по своей сути антифашистский потенциал выступал в качестве сильного сдерживающего фактора, непреодолимого барьера на пути каких-либо поползновений неофашистского толка» (ч. 1, с. 167). Сдача левыми былых позиций, считает Коломиец, существенно подорвала иммунные силы общественного организма, что делает опасность фашистского «ренессанса» особенно острой.

Фашистские партии в Италии и Германии добились господства в своих странах не только собственными усилиями, подчеркивает Э.Дж.Боннел (Австралия). По его заключению, свержение Веймарской республики и установление гитлеровского режима стали возможными благодаря сотрудничеству между консервативными противниками демократии (крупный бизнес, старая прусская аристократия, бюрократия, вооруженные силы) и массовым движением национал-социализма (ч. 1, с. 173—174). Этот вывод подтверждается кратким, но выразительным исследованием предпосылок возникновения нацистского движения в Германии, процесса борьбы НСДАП за власть, структуры провозглашенного Гитлером «Третьего рейха», его идеологии и военной экспансии, представленным в статье Б.Л.Хавкина (ч. 1, с. 183—193).

В статье немецкого историка А.Нольцена исследуется еще одна грань нацистского режима. «Развитие НСДАП в „Третьем рейхе“, — отмечает он — характеризовалось в первую очередь стремлением привлечь в свои структуры практически все население, осуществить „тотальную организацию“. Но стоит помнить, что большая часть немецкого общества после 30 января 1933 г. добровольно пошла на службу к новым властителям. Национал-социалистический режим для реализации своей политической программы опирался на сотрудничество с населением. Более того, население все больше выражало потребность в регламентации, с которой оно обращалось к государственным органам» (ч. 1, с. 205). Так в течение всего нескольких лет общество, еще в Веймарский период бывшее плюралистическим, превратилось в организованную НСДАП «народную общность».

Что касается фашизма в иберийских странах, то, согласно представленным в разделе статьям, он во многом отходил от классических (итальянского и немецкого) образцов. Так, в Португалии отсутствовало массовое движение фашистского типа, и государство полностью сохраняло монополию на насилие. Существенное значение имел и тот факт, что, в отличие от Италии и Германии, португальское общество не подвергалось коренному преобразованию. Слабая консолидация средних слоев и поддержка идей «нового государства» католической церковью,

обладавшей огромным влиянием в крестьянской стране, сделали излишним создание особой партийной организации (ч. 1, с. 275). Экспорт фашистской модели и фашистских взглядов в Португалию осуществляли многочисленные зарубежные поклонники Муссолини.

Специфика испанского фашизма определялась тем, что Ф. Франко выиграл гражданскую войну при поддержке совокупности политических сил (так называемых «политических семей»), чьи интересы порой кардинально расходились. Поэтому, несмотря на то что франкизм был режимом одной партии, в нем сохранялся определенный политический «плюрализм» (ч. 1, с. 285). Франко играл роль верховного арбитра между «семьями», и именно лавирование между ними позволило ему так долго удерживать власть.

Диктатура Франко не была чем-то исключительным, считает испанский исследователь Х. Касалс Месегер, ссылаясь в подтверждение своей мысли на диктатуру М. Примо де Риверы, в которой видит «репетицию» франкизма, а также на опыт Португалии (ч. 1, с. 286). С его точки зрения, испанский фашизм являл собой синтез крайне правой политической культуры времен республики, выстроенный на принципах Фаланги и с католицизмом в качестве связующего звена. В свою очередь, его соотечественник Ф. Моренте обращает внимание на то, что именно гражданская война создала условия для союза франкистов с другими крайне правыми силами, мобилизации населения, свержения парламентской демократии и создания нового национал-синдикалистского, то есть фашистского, государства (ч. 1, с. 296).

Особый случай представляет собой Франция, где попытка фашистских группировок совершить военный переворот по испанскому образцу не увенчалась успехом (ч. 1, с. 310—327). Природа и само существование фашизма во Франции до сих пор вызывают оживленные дискуссии. Анализ историографии фашизма является важнейшим условием ответа на вопрос о присутствии элементов фашизма в такой французской партии, как «Национальный фронт». «Если „Национальный фронт“ можно назвать фашистским даже в некотором смысле, это не сулит ничего хорошего в настоящем, так как НФ уже занял достаточно большое политическое пространство на родине современной западной демократии», — подчеркивает американский историк М. Б. Лафлин (ч. 1, 328).

Один из наиболее обстоятельных разделов второй части сборника посвящен анализу фашизма и диктаторских режимов в Центрально-Восточной Европе и на Балканах. В вошедших в него статьях рассматриваются как общетеоретические проблемы этнической мобилизации, этнократии и привлекательности авторитаризма в регионе, так и отдельные страновые случаи.

В отличие от стран, где либерализм предшествовал демократии и население имело достаточно времени, чтобы привыкнуть к верховенству закона, конституционализму и институтам представительного

правления, государства Центрально-Восточной Европы и Балкан не имели подобного опыта. Демократические новации здесь накладывались на заведомо неготовые (и непригодные) к этому институциональные, правовые и социальные структуры, что, в свою очередь, создавало почву для нелиберальных (чаще всего авторитарных и антидемократических) решений. По мнению британского политолога Р.Биделе, политические решения того времени в регионе определялись в первую очередь контекстуальными или ситуационными институциональными и структурными факторами, а не внутренними различиями, связанными с культурной или генетической спецификой (ч. 2, с. 10). Глубокие и продолжительные социально-экономические кризисы и сопряженные с ними потрясения, характерные почти для всех стран Центрально-Восточной Европы и Балкан в межвоенный период, подталкивали их к авторитаризму. Фашистская Италия и нацистская Германия, влияние которых непрерывно росло, транслировали соответствующие образцы для подражания. Причем, несмотря на разнообразие форм авторитарно-националистического или фашистского правления, все они носили этнократический характер. При сложной этнической мозаике, типичной для стран региона, ставка на национальную идентичность неоднократно приводила к опасным решениям, разделявшим общество и порождавшим в нем эндемическую нестабильность и конфликты.

Особо следует подчеркнуть роль внешнего фактора. Демократия в Центрально-Восточной Европе и на Балканах потерпела поражение в том числе потому, что западные державы не поддержали ее: малые нации интересовали их лишь как «санитарный кордон» против Советской России. А двойные стандарты стоили в данном случае предельно дорого. «Как только запускались механизмы глобальных антагонизмов XX в., территории лимитрофов Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы оказывались в эпицентре военных катаклизмов, на стыке интересов супердержав, передела территории и сфер влияния. Происходили существенные изменения в межгосударственных разграничениях и судьбах многочисленных народов и национальных меньшинств этого региона, — пишет Яжборовская. — В результате Первой мировой войны эти народы вновь оказались перемешаны, был искусственно создан ряд анклавов национальных меньшинств, что обременило их множеством новых межнациональных проблем» (ч. 2, с. 104). Не случайно в ряде стран региона Вторая мировая война дала толчок резкому всплеску этнофобии и расизма, о чем свидетельствуют, в частности, анализируемые в статьях А.Ф.Носкова (ч. 2, с. 112—122), Т.Пиотровского (ч. 2, с. 123—145) и Р.Йомэнса (ч. 2, с. 63—75) движения украинских националистов и хорватских усташей.

Искушения фашизма не обошли стороной и балтийские страны. Его влияние на политические системы этих стран проанализировано в статье латвийского историка А.Странга на примере режима К.Ульманиса в Латвии (1934—1940). По оценке Странга, режим Ульманиса был своего рода компиляцией, включавшей в себя элементы

диктатур разного типа. В результате возникла система, самая автократическая (хотя далеко не самая репрессивная) из всех, существовавших в Европе, поскольку в Латвии в принципе не было парламента, даже сугубо декоративного (ч. 2, с. 146—151).

Особый интерес представляет судьба фашистских и праворадикальных движений в англосаксонском мире. Три статьи второй части сборника посвящены ультраправому экстремизму в Великобритании. Словосочетание «британский фашизм» многие считают оксюмороном. Но действительно ли англичане обладают иммунитетом к фашизму?

По мнению британского историка Н.Копси, распространению фашизма в Великобритании в межвоенные годы препятствовало быстрое возрождение экономики после кризиса конца 1920-х — начала 1930-х годов, а также отсутствие реальной коммунистической угрозы и сильной националистической традиции. В послевоенный период ключевыми факторами сдерживания британских ультраправых были присвоение Консервативной партией болезненной для нации «иммигрантской тематики», мажоритарная избирательная система, а также активность антифашистской оппозиции. Однако рост электоральной поддержки Британской национальной партии между 2001 и 2010 гг., считает Копси, свидетельствует об опасности идеи «британского иммунитета», порождающей чувство самоуспокоенности («у нас этого произойти не может!»). Немалая часть жителей страны разделяет представления о том, что иммиграция несет угрозу британской культуре и ставит под удар систему социального обеспечения и перспективы трудоустройства коренного населения. Не поддерживая фашизм, многие будут голосовать «за антииммигрантскую, антиевропейскую, антиисламскую популистскую партию при условии, что это будет „санированный“ — нефашистский, нерасистский вариант, что у соответствующей партии будет внушающий доверие харизматический лидер» (ч. 2, с. 183). Таким образом, от фашистских соблазнов не застрахован никто, включая победителей во Второй мировой войне.

Столь же своевременно напоминание о крайне правой угрозе в США, звучащее в статье американского историка Л.Вайнберга. Сегодня в США есть немало правых и праворадикальных групп, растет численность «патриотов», недовольных «новым мировым порядком», а также «групп ненависти» в отношении иммигрантов, мусульман, евреев. Подобно своим европейским коллегам, американские крайне правые выступают против глобализации, ООН/ЕС, иммиграции, но в отличие от них не делают ставку на сильное государство и рассматривают федеральное правительство как своего злейшего врага (ч. 2, с. 208).

Среди статей заключительного раздела второй части сборника, посвященного фашизму в Латинской Америке, особого внимания заслуживает работа Ж.Ф.Бертоньи (Бразилия), где предпринята попытка выделить общие черты, свойственные латиноамериканскому фашизму. Согласно Бертоньи, латиноамериканский фашизм неверно рассматривать как простую кальку с европейских моделей. Подражательные виды

фашизма в Латинской Америке если и были, то не представляли собой значимой силы (Центральная Америка, Венесуэла, Уругвай и Парагвай) (ч. 2, 209—225). Заметно больших успехов добились те разновидности фашизма, которые отражали местную специфику, причем максимальное распространение фашизм получил в самых развитых странах региона — «это был особый ответ на идеологический кризис общества, переходящего к модерности» (ч. 2, с. 219).

Бертонья напоминает, что 1930-е годы в Латинской Америке были эпохой не фашизма, а диктатур или «режимов жесткой руки», которые и воспрепятствовали, в том числе вооруженным путем, приходу фашистов к власти. Диапазон этих диктатур был очень широк. В Центральной Америке, странах Карибского бассейна, а также в Боливии и Венесуэле, несмотря на мировой кризис 1930-х годов, действовали обычные военные диктатуры. В Бразилии элиты выбрали вариант консервативной диктатуры с «модернизационной проекцией». В некоторых странах, например Колумбии и Коста-Рике, сохранились демократические режимы, но и они испытывали возрастающее влияние армии (которая и поддерживала политическое равновесие и институциональную стабильность). Общим для этих стран было то, что власть в них контролировали элиты, не нуждавшиеся в помощи со стороны радикальных правых. Последние, впрочем, не сумели захватить власть даже там, где у них имелась опора в народных слоях и политическое представительство. То есть выбор в пользу фашизма здесь так и остался «в резерве», чему способствовала неполная модернизация этих стран и прочное положение местных элит.

* * *

Бесславный конец фашистского эксперимента не освобождает нас от необходимости сохранять бдительность в отношении крайнего радикализма. И в настоящее время в мире есть немало партий, вызывающих ассоциации с фашизмом или нацизмом, что свидетельствует о живучести идей, унаследованных от фашистской эпохи.

Победу фашизма облегчила Великая депрессия 1929—1933 гг., приведшая к росту безработицы, обнищанию масс, усиливавшемуся ожесточению в обществе. В результате в Европе не просто стали рваться к власти фашистские структуры, но и сформировалось фашистское *идеологическое пространство*. Тайна фашизма заключалась не только в смеси двух, казалось бы, несовместимых начал — крайнего национализма и социализма, оказавшихся одинаково привлекательными для широких слоев обездоленного населения, — но и в присвоении *политической динамики*, выдвигении программы социально-экономических преобразований, претензии на *модернистскую революцию*, пусть и совсем другого плана, чем предлагали левые силы. Поднятая в сборнике проблема трактовки фашизма как революционаристского контрреволюционного проекта хотя и отражает не самую важную его черту, но

обращает внимание на привлекательность самой *идеи перемен*, упущенной консервативными правительствами межвоенной поры.

Иначе говоря, фашизм представлял собой не просто реакционное и консервативное движение. Будучи связан с консерватизмом и реакцией как идеологически, так и политически, он использовал «традицию» для мобилизации масс во имя воплощения модерна как политического проекта. Инкорпорируя в правое движение новые элементы, фашизм вместо возврата в «славное прошлое» предлагал революцию, «движение вперед» — к такому обществу, в котором важные для правых ценности были бы сохранены и даже приумножены.

Рецензируемый сборник без преувеличения можно считать не только новым словом в исследовании фашизма и правого авторитаризма, их качественной современной диагностикой, но и актом гражданского мужества ученых, представивших свои размышления на суд читателя. При этом, на наш взгляд, был достигнут удачный синтез исторического (по преимуществу) и политологического анализа. Известно, что историки не всегда принимают теоретические конструкции, привычные для их коллег из политологического цеха, а те зачастую критикуют историков за отсутствие обобщающих выводов. Однако если отбросить крайности в трактовках, то каждая из моделей содержит в себе эвристический потенциал, хотя и не может претендовать на абсолютную истину. Важнее другое: общая и искренняя обеспокоенность по поводу новых и старых угроз миру, демократии, самим основам человеческой цивилизации, гражданская ответственность за наше общее будущее. Хотелось бы пожелать, чтобы собранный в двух выпусках «Берегини» богатейший материал был издан в виде отдельной книги, которая, несомненно, займет достойное место в ряду лучших историко-политологических исследований нашего времени.

Библиография

Дарендорф Р. 1994. Размышления о революции в Европе // *Путь*. № 6.

Дарендорф Р. 2002. *Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы*. — М.

References

Dahrendorf R. 1994. Razmyshlenija o revolucii v Evrope // *Put'*. № 6.

Dahrendorf R. 2002. *Sovremennyj social'nyj konflikt: Oчерk politiki svobody*. — M.